

МОРБИАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНАЯ МЕТАФОРИКА В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Н. А. Азаренко

Липецкий государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 5 марта 2013 г.

Аннотация: анализируется языковое представление православной метафоры «болезнь есть следствие греха» в тексте романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Посредством адекватной авторскому замыслу дешифровки названной метафорической модели может быть исследовано не только православное мировидение самого Достоевского, но и истинный смысл, вложенный писателем в первый роман «великого пятикнижия».

Ключевые слова: когнитивная метафора, метафорическая модель, картина мира, болезнь, грех.

Abstract: *a sin ends in a disease. This is an Orthodox metaphor, the linguistic representation of which is found in the text of Dostoevsky's Crime and Punishment. Decipher of the metaphoric pattern being relevant to the author's plan, one can investigate not only the Orthodox paradigm of Dostoevsky himself, but the very genuine sense that he had put into the Great Pentateuch opening novel.*

Key words: *cognitive metaphor, metaphoric pattern, paradigm, sin, disease.*

Согласно когнитивной теории метафоры [1], метафора понимается как основная ментальная операция, проявление аналоговых возможностей человеческого мышления, широкий класс случаев осмысления сущностей одной понятийной области в терминах другой, другими словами, метафоризация представляет собой взаимодействие двух структур знания: структуры источника (хорошо знакомого) и структуры цели (чего-то нового).

На данном этапе развития языкознания не подвергается сомнению, что в метафорических значениях и способах их выражения отражается мировосприятие: и индивидуальное, и этническое. По мнению В. Г. Гака, изучение языковых и речевых метафор открывает возможность «проникнуть в общие закономерности человеческого мышления» [2, с. 13], позволяет дешифровать представления о мире конкретного человека и, если речь идет о художественном произведении, максимально определить смысл, вложенный автором в свое творение, сознательно или бессознательно. То есть метафорические употребления как раз и являются одним из способов объективации концептуальной информации в языке художественных произведений.

Таким образом, можно сказать, что в современных когнитивных исследованиях метафора рассматривается как один из инструментов концептуализации мира, как способ проникновения в процессы речемыслительной деятельности человека, способ познания его картины мира. Особенно актуально это, на наш взгляд, применительно к великим именам

нашей классической литературы, особенно к Достоевскому.

В настоящей статье попытаемся проанализировать особенности миропонимания великого писателя посредством исследования его специфической особенности представлять одну понятийную область (христиански ориентированную) в терминах другой (бытовой, обыденной, эмпирической).

Как известно, устойчивые соответствия между областью источника и областью цели называются «метафорическими моделями» [3]. Любая метафорическая модель, существующая в индивидуальном или коллективном сознании, воплощает некий стереотипный образ, с помощью которого организуется опыт человека и его представления о мире [4, с. 116].

Представления о мире Достоевского нашли реализацию в нескольких метафорических моделях, в частности в анализируемой далее модели «болезнь есть следствие греха», сформировавшейся благодаря осмыслению и представлению в текстах своих романов, особенно в первом романе «пятикнижия», хорошо знакомой Достоевскому религиозной области в языковых структурах описаний болезненных состояний персонажей.

На особую значимость метафорических моделей в художественном тексте обращали внимание многие исследователи. Несмотря на общую природу метафорических моделей, они неодинаковы в научных текстах и художественных произведениях. В первых авторы опираются в основном на общеязыковые (онтологические, структурные, пространственные и др.) метафорические модели, во вторых – на субъективные авторские метафоры. Что касается анализа

общеязыковых метафор, то их исследованию и структурному описанию посвящено много работ, в частности [5] и др. Что же касается конкретных субъективных авторских метафор (которые называются также окказиональными [6, с. 37], живыми, творческими [7, с. 139]), то они изучены, на наш взгляд, недостаточно, хотя в современной лингвистической науке интерес к этому вопросу неуклонно растет.

Творческие авторские метафоры имеют особую значимость для исследования идиолектной нормы. Метафорические модели варьируются для каждого конкретного автора текста, особенно художественного, в зависимости от его взглядов на мир, системы ценностей, поэтому их со всеми основаниями можно назвать субъективными.

Следует отметить, что при дешифровке авторских метафор надо помнить, что часть значения высказывания, представляющего собой метафору, лежит за пределами строго лингвистического содержания высказывания, если под строго лингвистическим понимать суждение, выраженное лексическими, морфологическими и синтаксическими элементами предложения. Л. Брандт и П. А. Брандт называют это психологическим аспектом понимания семантического содержания метафоры, а пространство, в котором метафорические высказывания приобретают то значение, которое в них вкладывается, – семиотическим пространством [8, с. 6–8].

В соответствии с глубоко религиозным мировосприятием Ф. М. Достоевского все болезни, не только душевные, но часто и физические, для писателя не что иное, как следствие личного греха человека, совершенного вследствие одержимости темной, демонической силой, и именно благодаря метафоре как способу видеть один объект через другой, способу репрезентации знания о мире в языковой форме [9, с. 5] писатель смог репрезентировать в текстах своих романов что-то новое (а именно глубоко христианский смысл, ориентированный на тексты Священного Писания) посредством описания, казалось бы, обыденных, ничем не примечательных болезней персонажей романов, в частности романа «Преступление и наказание». Именно благодаря правильному «прочтению» глубоко субъективных авторских метафор возможна адекватная дешифровка особенностей миропонимания писателя, а следовательно, и смысла, вложенного Достоевским в свои произведения.

Известно, что одержимость дьяволом всегда сопровождается болезнью, которая может быть душевной (духовной) и физической. Душевные болезни связаны с нервными и психическими расстройствами. В Библейской энциклопедии читаем, что «психические расстройства в Библии не отделяются от одержимости нечистыми духами, темной, демонической силой» [10, с. 234].

Структура источника (хорошо знакомого, source domain) метафорической модели «болезнь есть следствие греха» в тексте романа «Преступление и наказание» представлена чрезвычайно широко: лексемы, содержащие в структуре своего лексического значения сему «болезнь», – одни из самых частотных в романе. В первую очередь это многочисленные лексемы разной частеречной принадлежности с корнем -боль-: мы обнаружили 158 таких словоупотреблений, реализующих все возможные смысловые планы. Наиболее частотен среди них, что закономерно, сакральный смысловой план «одержимость нечистой силой, дьяволом», он реализуется, например, в следующих примерах: «*Старуха была только **болезнь**...*» [11, с. 211]; «*Только вы так не только себя, да и Разумихина у меня **закружите**; ведь слишком уж он **добрый** человек для этого, сами знаете. У вас-то **болезнь**, а у него добродетель, **болезнь-то** и выходит к нему **прилипчивая**...*» [11, с. 265].

Последний пример, представляющий собой контекстную антитезу (контекстную, поскольку ее лексическую основу составляют не узуальные, а контекстные антонимы), реализует не только метафорическую модель «болезнь – следствие греха (бесовщины)», но и антонимичную метафору «добродетель есть следствие праведности».

Очень частотны случаи, где лексемы с корнем -боль- реализуют смысловой план «страдание», например, в следующих случаях: «*...все эти вопросы (о том, что он, Раскольников, живет на деньги матери, достававшиеся ей путем лишений и тяжелой работы) были не новые, не внезапные, а старые, **наболевшие**, давнишние*» [11, с. 39]; «*Ах как теперь целый день вспоминать было **больно**!*» (о том, что она (Соня) не подарила Катерине Ивановне воротнички и нарукавнички. – Н. А.) [11, с. 244]; «*Но он (Раскольников. – Н. А.) понял вполне, до какой **чудовищной боли** истерзала ее (Соню. – Н. А.), и уже давно, мысль о бесчестном и позорном ее положении*» [11, с. 247].

Как видно из примеров, смысл «страдание» структуры источника исследуемой модели реализуют в тексте романа прилагательное «болезненный», наречие «болезненно», безлично-предикативное слово (категория состояния, предикативное наречие) «больно» и существительное «боль».

Анализ текста романа «Преступление и наказание» показал, что лексемы словообразовательного гнезда существительного «боль», представляющие структуру источника анализируемой метафорической модели, в подавляющем большинстве случаев вербализуют значение «болезнь духовная»: «*...акт исполнения преступления сопровождается всегда **болезнью***» [11, с. 198]; «*...самое преступление не могло иначе и случиться как при некотором временном умопомешательстве, так сказать, при **болезненной***

мономании убийства... **Болезненное** состояние преступника до совершения преступления не подвергалось ни малейшему сомнению» [11, с. 411].

По убеждению Достоевского, душевные (или духовные) болезни проявляются через болезни физические. Главный герой романа Родион Раскольников болен физически, но это «нарушение жизнедеятельности организма» есть следствие болезни духовной – одержимости дьяволом. В «Библейской энциклопедии» читаем о том, что «у любой болезни есть только одна причина – злой умысел сатаны. Болезнь – следствие нарушения духовных взаимоотношений человека с Богом... **Болезнь** всегда бывает **следствием** личного **греха** человека. Иисус видел в болезни проявление сил **мирового зла**. Исцеляя больных, Он каждый раз побеждал темные силы» [12, с. 234–235].

Таким образом, дешифруя метафору Достоевского, можно сказать, что бесовщина завладела душой главного героя, он совершил греховные действия и, как следствие, стал больным. После совершения преступления на протяжении всего дальнейшего повествования для номинации **преступника** автор последовательно использует субстантивированное прилагательное «больной».

Преступление, по мысли Раскольникова, всегда сопровождается затмением рассудка и упадком воли, охватывающими человека «*подобно болезни... затем проходят так же, как проходит всякая болезнь*» [11, с. 58–59]. Сравнение преступления с болезнью (использован производный предлог «подобно»), поясняющееся далее посредством местоимения «всякая», имплицитно метафорическую модель «преступление (грех) есть бесовщина», уточняющую структуру цели исследуемой метафорической модели «болезнь есть следствие греха».

Анализ показал, что лексемы с корнем -боль- в языковой картине мира Достоевского последовательно содержат смысловый признак «зло». С другой стороны, сема «болезнь» неизменно присутствует в лексической структуре лексемы «зло» и однокоренных образованиях, которые в изобилии встречаются на страницах романа, нами отмечено 52 случая их использования, причем лексемы словообразовательного гнезда «зло» (существительные «зло», «злоба», «злость», «злорадство», «злодеяние»; прилагательные «злой» (полная и краткая формы), «злостный», «злодейский», «злонамеренный», «зловещий»; глаголы «злиться», «злорадствовать»; наречия «злостно» и «злорадно») в контексте художественного текста вступают в синонимические отношения с такими лексемами, как: «искривленный», «змеиться», «зверский», «зверство», «ненависть», «ненавистный», «развратный», «хитрый», «обманчивый», «бешенство», представляющими структуру цели метафоры

«болезнь есть следствие греха». Известно, что «змей» (змий) (производящее глагола «змеиться») и «зверь» (производящее слов «зверский», «зверствовать») – одни из библейских номинаций сатаны. Причем указания на зверя, с которым связана возможность гибели жизни на земле, содержатся как в «Книге пророка Даниила» Ветхого Завета, так и в Новом Завете. Таким образом, все названные выше слова объединены одним общим контекстуальным признаком – «зло» и противопоставлены лексемам, объединенным признаками «добро», «любовь», «жизнь», «благо».

Структуру цели метафоры «болезнь есть следствие греха» уточняет такая метафорическая модель, как «грех есть сатанинское (бесовское) «дитя»», где эта же структура «нового», т.е. цели, у Достоевского эксплицируется посредством лексем с корнем, представленным алломорфами -бес- (-бес'-; -беш-). Анализ текста романа выявил 26 случаев употребления производных существительного «бес». Наиболее частотны из них абстрактное существительное «бешенство», которое использовано в романе 20 раз. Прилагательное «бешеный» встречается в тексте романа лишь дважды: «(Амалия Ивановна) с визгом, как **бешеная**, кинулась она к Катерине Ивановне, считая ее во всем виноватой» [11, с. 310–311]; «А тут, весь в лохмотьях (Разумихин о «болезни» Раскольникова. – Н. А.), нахал квартальный, начинавшаяся болезнь, и такое подозрение! Исступленному-то ипохондрику! При тщеславии **бешеном**, исключительном!» [11, с. 163]. Названные примеры реализуют разные лексико-семантические варианты многозначного слова «бешеный»: в первом случае актуализируется сема «исступленный, необузданный, неистовый» [13, с. 89], во втором – «чрезмерный по силе проявления» [13, с. 89]. Но и второе словоупотребление реализует target domain анализируемой метафоры, употребляясь в качестве определения существительного «тщеславие», которое, согласно православным канонам, глубоко впитанным Достоевским, последовательно метафорически представляет демоническую сферу.

Слово «бесноватый» встречается также в романе, но лишь однажды, в финале, глубоко метафоричном, заключающем в себе в сжатом виде основную идею автора, его православное мировосприятие: «Он (Раскольников) пролежал в больнице весь **конец поста и Святую**. Уже **выздоровливая**, он вспомнил свои сны, когда еще лежал в жару и **бреду**. Ему грезилось в **болезни**, будто весь мир осужден в жертву какой-то **страшной... моровой язве**... Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей... Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же **бесноватыми** и **сумасшедшими**. Но никогда, никогда люди

не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали **зараженные**. Целые селения, целые города и народы **заражались и сумасшествовали**. Всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и **мучился**, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, что считать **злом**, что **добром**. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Начались пожары, начался голод. Все и всё **погибало**. **Язва** росла и подвигалась дальше и дальше. Спасти во всем мире могли только несколько человек, это были **чистые** и избранные, предназначенные начать новый род людей и **новую жизнь**, обновить и **очистить** землю» [11, с. 419–420].

Главный герой романа в данном эпизоде находится в промежуточном состоянии, он все еще болен, но уже начинает выздоравливать; глубоко метафоричен и тот факт, что пограничное состояние героя приходится на конец поста и Святую неделю. Нельзя не увидеть проводимые Достоевским прямые параллели с библейской историей: Христос воскрес, обретя новую, неземную жизнь – Раскольников также через кризис и страдания (душевные и физические) воскресает к новой жизни с Богом. Весь эпизод есть метафорическое описание духовной жизни Раскольникова: «трихины» – это бесы, вселяющиеся в людей, в том числе и в душу главного героя, они причина бесноватости людей, т.е. болезни, часто приводящей к смерти, как в случае с Свидригайловым.

Процитированный выше ключевой отрывок содержит целый ряд лексем, объединенных семами «болезнь» и «зло»: *бред, страшная, моровая язва, бесноватые, сумасшедшие, зараженные, мучение*. Данные слова неоднократно встречаются на страницах исследуемого романа и имплицитно обе составляющие метафорической модели «болезнь есть следствие греха».

Итак, предпринятое исследование текста романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» демонстрирует глубокую убежденность писателя в том, что любой грех всегда следствие «работы» сатаны и болезнь – неминуемое следствие этого греха человека.

Липецкий государственный педагогический университет

Азаренко Н. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, старший научный сотрудник кафедры современного русского языка и методики его преподавания

E-mail: azarenko.nadezhda@yandex.ru

Тел.: 8(474)222-47-48; 8-905-043-74-22

ЛИТЕРАТУРА

1. Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ. ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004.
2. Гак В. Г. Метафора : универсальное и специфическое / В. Г. Гак // Гак В. Г. Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1988. – С. 11–26.
3. Баранов А. Н. Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М., 1994.
4. Щурина Ю. В. Метафора как источник комического в современном российском медиадискурсе / Ю. В. Щурина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 4. – С. 116–122.
5. Плисецкая А. Д. Метафора как когнитивная модель в лингвистическом научном дискурсе : образная форма рациональности / А. Д. Плисецкая // Когнитивное моделирование в лингвистике. – Варна : URL, 2003.
6. Пименова М. В. Артефактные метафоры как способ объективации концепта «жизнь» / М. В. Пименова // Изменяющийся славянский мир : новое в лингвистике : сб. статей ; отв. ред. М. В. Пименова. Серия «Славянский мир». – Севастополь : Рибэст, 2009. – Вып. 2. – С. 28–38.
7. Козлова Л. А. Метафора и метонимия : сходство и различия / Л. А. Козлова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 4 (29). – С. 137–143.
8. Брандт Л. Как понять метафору : когнитивно-семиотический подход к изучению метафор : пер. с сокращениями / Л. Брандт, П. А. Брандт // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – Вып. 4. – С. 5–19.
9. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]. – М. : Наука, 1996.
10. Библийская энциклопедия (путеводитель по Библии). – М. : Рос. библ. об-во, 2002.
11. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 6. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1972–1990.
12. Библийская энциклопедия (труд и издание Архимандрита Никифора). Репринтное издание. – М. : Терра, 1990.
13. Словарь русского языка : в 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1981–1984 (МАС).

Lipetsk State Pedagogical University

Azarenko N. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department, Senior Research Scientist of the Contemporary Russian Language and the Methods of its Teaching Department

E-mail: azarenko.nadezhda@yandex.ru

Tel.: 8(474)222-47-48; 8-905-043-74-22